

ДЖОН ГИБСОН

НАД НАМИ ТЕМНЫЕ ВОДЫ

БРИТАНСКИЕ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Джон Гибсон

**Над нами темные воды.
Британские подводные лодки
во Второй мировой войне**

«Центрполиграф»

Гибсон Д.

Над нами темные воды. Британские подводные лодки во Второй мировой войне / Д. Гибсон — «Центрполиграф»,

Книга Д.Ф. Гибсона – это яркий и увлекательный рассказ очевидца об огромном вкладе британского подводного флота в общее дело победы во Второй мировой войне. Автор описывает подготовку молодых моряков и повседневную жизнь экипажа субмарины, на которой ему довелось служить, боевые патрулирования, атаки и контратаки, участником которых он был, а также радости и поражения, морские будни и праздники от первых дней войны до полной капитуляции Германии.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джон Гибсон

Над нами темные воды. Британские подводные лодки во Второй мировой войне

Предисловие

Я с большим удовольствием откликнулся на просьбу написать предисловие к этой книге, поскольку хочу воспользоваться представившейся возможностью публично отдать дань уважения тем доблестным морякам-подводникам ВМС Великобритании, которыми имел честь командовать в течение двадцати пяти с половиной месяцев.

В этой книге нет сенсационных открытий и разоблачений, она не дает объяснения морской стратегии. Вы не найдете в ней и скандальных подробностей жизни и деятельности руководителей британских ВМС. Эта книга – рассказ о моей войне на море, какой ее увидел молодой офицер-подводник. Автор описывает повседневную жизнь подводной лодки, которая время от времени прерывается быстрыми и решительными военными действиями – атаками и контратаками.

В повествовании лейтенанта Гибсона, по моему мнению, обращают на себя внимание два момента: это постоянная борьба подводников с той средой, в которой они живут и работают, – с морем; и теплые товарищеские отношения между всеми членами экипажа, независимо от звания и должности.

В молитвеннике англиканской церкви есть глава под названием «Молитвы, которые следует читать на море». В первой молитве в замечательных по своей простоте и искренности словах звучит обращение военного моряка к Богу с просьбой о защите при исполнении им своего долга. В этой молитве моряк просит защитить его «от опасностей моря и насилия врага». Обратите внимание на порядок. С «опасностями моря» мы имеем дело всегда: и в мирное и в военное время. Подводники в полной мере испытывают их на себе, когда ходят на поверхности и тем более в морских глубинах.

Работа под водой требует исключительно слаженных коллективных действий. Каждый подводник выполняет на борту подводной лодки конкретную задачу, от четкости и эффективности его действий зависит боеспособность лодки и безопасность экипажа. Особенность службы на подводной лодке состоит в том, что члены экипажа длительное время живут и работают бок о бок. Эта вынужденная близость немыслима без глубокого взаимного доверия и готовности в любой момент прийти на помощь товарищу. Выражаясь словами Шекспира, которые любил повторять адмирал Нельсон, подводники – это «отряд братьев».

Хотелось бы отметить, что британские военно-морские силы многим обязаны офицерам запаса и добровольцам, которые стали подводниками. И автор книги из их славной когорты, вероятно, поэтому недостаточно широко освещает этот вопрос.

Служба на подводной лодке требует специальных знаний и до 1939 года рассматривалась исключительно как сфера деятельности кадровых офицеров ВМС, хотя нескольким офицерам запаса было позволено учиться на штурманов подводных лодок. После окончания войны больше половины офицеров-подводников составляли бывшие резервисты, прибывшие со всех концов Соединенного Королевства и его доминионов. Многие из них успешно командовали нашими подводными лодками.

Это было большим достижением. Подводные силы всегда будут с гордостью и любовью вспоминать тех офицеров-резервистов, которые, усвоив наши привычки и традиции, стали неотъемлемой частью жизни подводного флота.

Я не уверен, что даже сейчас общественности известно о том огромном вкладе, который внесли наши подводные лодки в общее дело победы. В Северном море и у норвежских берегов они в течение всей войны уничтожали вражеские транспорты. В Средиземном море наши подлодки перекрывали пути снабжения вражеского контингента в Африке, что сыграло важную роль в исходе Североафриканской кампании.

И наконец, на Дальнем Востоке наши подлодки действовали главным образом, как пишет автор, в «удаленных районах», в то время как подводную войну в центральной части Тихого океана вели наши братья-подводники из ВМС США под командованием моих друзей вице-адмирала Чарльза Локвуда и контр-адмирала Джеймса Файфа. Именно благодаря их усилиям и героизму японцы несли на море ужасные потери и в конце концов вынуждены были капитулировать.

Эти успехи не могли быть достигнуты без потерь, и список убитых и раненых подводников был таким же большим, как и в 1914—1918 годах. Я надеюсь, что читающие эту книгу будут чтить память тех многих офицеров и моряков-подводников британских ВМС, что отдали свои жизни на службе отечеству.

Вооруженные силы союзных держав и ВМС Великобритании в частности в неоплатном долгу перед погибшими героями и их товарищами, которые остались в живых. Они обогатили традиции, унаследованные от подводников 1914—1918 годов, и передали их своим преемникам, сегодняшним и будущим офицерам и матросам наших подводных лодок, боевым искусством и стойкостью которых могут справедливо гордиться все жители Великобритании. В их честь я пишу эти вступительные слова.

Контр-адмирал *Крис*,
командующий подводными силами с 12 сентября 1944 года

Подводная лодка «Тесей» на пути из Новой Зеландии к Соломоновым островам. 21 сентября 1947 г.

Глава 1

Даже сейчас, когда пишу эти строки, из своего окна я вижу синее море, раскинувшееся под лазурным небом. Только это мирное море и его воды спокойно набегают на скалистые берега Корнуолла. Во время войны мы были частью моря. Где бы ни находились, возле мыса Нордкап, Спартивенто или Корморина, мы знали, что море защитит нас от врага. В то же время оно оставалось безразличным к человеческим войнам. Случалось, мы сражались с морем столь же яростно, как и экипажи вражеских судов рядом с нами.

Сейчас многие говорят, что постоянные меняются и что больше нельзя проводить аналогий между землей, морем, небом и нашим бессмертием. Современные теоретики пытаются убедить нас, что эти постоянные искажены нашим собственным непостоянством. Среди причин этих изменений называют танк, самолет и подводную лодку. Полагают, что моряки-подводники не имеют чувства моря и связи с ним, что они легко преодолевают опасности, с которыми их предки боролись с помощью топселей и бочонков с маслом.

Во время войны экипажи подводных лодок формировались главным образом из добровольцев. Это были представители всех слоев населения, прибывшие из различных частей Британской империи. Даже те из них, кто был мало знаком с морем, за время службы узнали о нем больше, чем моряки надводных судов. Подводная лодка – очень сложная машина, но, как всякая машина, должна служить человеку, а не повелевать им.

Моряки-подводники боролись со штормами, когда лодка всплывала, но порой им приходилось прилагать немалые усилия для того, чтобы остаться под водой. Именно в эти трудные минуты рождалась настоящая мужская дружба. И спланивала подводников не столько угроза нападения врагов, сколько само море. Боевые столкновения с неприятелем были лишь яркими вспышками на фоне их нелегкой службы. Море было той средой, где они совершали свои подвиги.

Эта книга не пособие для профессиональных офицеров-подводников и не описание службы на подводной лодке, скорее это сборник воспоминаний о тех днях, когда мы, молодые подводники, объединенные одной целью и любовью к отчизне, ходили по морям и океанам, то и дело устремляясь навстречу опасности.

Глава 2

Горькие разочарования – удел начинающего офицера-подводника во время войны. Дрожащей от волнения рукой писал он рапорт с просьбой направить его на подводную лодку и затем терпеливо ждал перспективного назначения. Порой ждать приходилось очень долго, но обычно все заканчивалось тем, что он оказывался на учебной базе в Блайте. Там ситуация упрощалась: с одной стороны – преподаватели с мелкими и морскими картами, с другой – курсанты с карандашами и тетрадями. Все вместе они назывались 6-й флотилией. Три месяца под серым нортумберлендским небом и ежедневные многочасовые занятия в отапливаемых разборных бараках под монотонный голос, диктующий что-нибудь об особенностях метacentрических высот, быстро остудили пыл некоторых молодых людей. Даже еженедельные выходы в море стали казаться скучными и однообразными. Порывы холодного ветра, кусавшего пальцы, доносили до нас дыхание Арктики. Старая субмарина выходила в район учений, выполняла несколько неожиданных акробатических номеров и возвращалась в порт. «Ничего, – успокаивали мы себя, – впереди нас ждет действующая лодка какой-нибудь первоклассной флотилии».

Три месяца сборов подошли к концу, и в соответствии с приказом надо было сдавать выпускной экзамен. Нам вручили экзаменационные билеты и попросили рассказать то, что еще не улетучилось из памяти в результате частого употребления нью-каслских вин. Для нас, начинающих подводников, это был еще один шаг на пути к заветной цели. Некоторые сдали этот экзамен, ответив на все вопросы, касающиеся внутреннего строения торпеды, другим экзаменатор сделал поблажку, остальных выручил командир флотилии, хранящий в памяти то, как сам провалился на первом экзамене. Наша прекрасная мечта о службе на боевой подводной лодке яркой звездой засверкала на небосклоне, но скрылась за тучами, когда вскоре стало известно, что нас направляют в другие флотилии в качестве запасного экипажа.

Запасной экипаж. Одно упоминание о нем вселяло в нас ужас, сравнимый с тем, что испытывают подсудимые перед пожизненным заключением. Мы слышали много мрачных историй о тех, кто в течение многих лет пребывал в таком качестве. Эти офицеры-подводники прозябали на плавучих базах, выполняли случайную работу в различных уголках земли, в общем, занимались всем, чем угодно, только не тем, к чему их готовили. Главной причиной подобного явления были задержки в строительстве новых лодок, а отчасти – неспособность неприятеля топить наши подлодки с той быстротой, с какой ожидалось. А поэтому количество подготовленных для подводных лодок офицеров значительно превышало потребность в них.

В 1942 году, сразу по окончании учебы, нас распределили по флотилиям. Одни попали на Мальту, другие – в Ротси, третьи – в Бейрут. Меня направили в 9-ю флотилию, что базировалась в Данди. Поезд с грохотом проехал по мосту через реку Тэй. Холодный ветер волновал речную воду и со свистом проносился над плоскими крышами. Казалось, мне всю войну суждено провести в местах с отвратительным климатом. Данди в этом отношении был ничем не лучше Блайта.

9-я флотилия была международной. Лодки союзных флотов плавали под красно-белосиним флагом британского штаба. Там были французы, датчане и норвежцы. Ко всему прочему, гавань находилась под гражданским управлением, и в связи с этим подводные лодки действовали с любезного разрешения портового инспектора, шотландца по национальности. К этой флотилии была приписана только одна британская лодка.

Прибыв к месту назначения, я обнаружил, что на базе являюсь единственным офицером-резервистом. Обязанности мои были весьма разнообразными. Я занимался вопросами загрузки торпед и топлива, регулировкой компасов, присутствовал на испытаниях, должен был обеспечивать свободные причалы для лодок, возвращающихся в гавань, организовывал людей, которые помогали при швартовке и отчаливании. Клуб-столовая, где я обедал, пред-

ставлял собой замечательное заведение: здесь всегда было много женщин из вспомогательных служб ВМФ. Моряки в разношерстном обмундировании говорили на разных языках и употребляли весьма экзотические напитки. Мой кабинет располагался в здании заброшенной фабрики неподалеку от дока. Обстановка была скромная: стол, телефон и шкаф с канцелярскими принадлежностями.

В шкафу я нашел блокнот, оставленный моим предшественником. Он весьма детально описывал причуды людей, с которыми мне предстояло иметь дело. Эта информация оказалась бесценной.

В то первое утро я пришел в свой кабинет в 9 часов. Было очень тихо. Телефон поблескивал в лучах холодного февральского солнца. Вода в бухте была неподвижной и маслянистой от нефти. Вдалеке водную гладь бороздил минный тральщик. У берега стояли на причале две подводные лодки.

Утреннюю тишину нарушил звонок телефона. Штабной офицер хотел, чтобы нужная лодка оказалась в необходимое время под определенным краном. Пришлось покинуть кабинет и немного пройтись. Оказалось, что на том самом месте разгружают большое торговое судно. Я отправился в порт и разыскал портового инспектора. Вскоре проблема была решена. Я дал ему несколько сигарет и пригласил на коктейль в клуб-столовую. Вскоре торговое судно отбуксировали на новую стоянку. Рабочий день продолжался.

Гости с континента несколько оживляли спартанскую сдержанность Данди. По воскресеньям площадь заполняли разговорчивые дымящие сигаретами поляки. Их контингент состоял из двухсот офицеров и трех рядовых, но все они почему-то были в форме сержантов, и, казалось, это нисколько их не угнетало. После закрытия пабов мы собирались в холодных номерах самой большой в городе гостиницы и до самого рассвета пили джин с перцем. Иногда катались по реке в парусной шлюпке, но сильные и непредсказуемые ветра и приливы заставили нас в конце концов отказаться от этого удовольствия.

С наступлением лета пришло время игры в теннис и танцев под открытым небом. Улицы города заполнились прогуливающимися иностранцами. Потеплело, вода в реке была чистой и прохладной. На какое-то время я забывал о своей заветной мечте – службе на боевой подводной лодке. Но всякий раз, проводив подводную лодку в море, я с тяжелым чувством возвращался в свой мрачный кабинет с каменным полом. Когда становилось невмоготу, доставал бутылку – и жизнь уже не казалась мне чрезмерно мрачной. Так, как я, во время войны успели пожить многие.

В конце лета меня направили в учебную флотилию, которая располагалась в Ротси.

Глава 3

Старая плавучая база в Ротси была временным пристанищем для столь же старых подводных лодок 7-й флотилии. Эта флотилия служила базой практической подготовки личного состава для подводных лодок и одновременно предоставляла во временное пользование свои обветшалые лодки различным отрядам эскадренных миноносцев для противолодочных учений. Тем самым одним ударом убивали двух зайцев.

Курсы повышения квалификации офицеров, занимающих командирские должности, находились на огромной подводной лодке, которая выходила в море из гавани Ротси. Она всегда была заполнена молодыми людьми, горящими желанием научиться топить корабли и при этом сохранить свою индивидуальность. Лодки меньших размеров базировались в Лондондерри, Кэмпбелтауне и Тобермори. Это были лодки типа «Н», построенные в конце Первой мировой войны. Они продолжали исправно функционировать, несмотря на то что ими управляли начинающие подводники. Некоторые из этих подводных лодок участвовали в морской блокаде Бреста, когда был потоплен немецкий линкор «Шарн-хорст».

После шумного Данди Ротси казался тихим и спокойным. Остров Бьют, окруженный зелеными водами, сверкал в лучах солнца, словно драгоценный камень. Вечерами вершины гор заволакивала густая дымка. Подводные лодки выходили в море в восемь утра и возвращались ровно в четыре пополудни – своей пунктуальностью они напоминали городские электрички. Шканцы плавучей базы играли роль палубы, по которой прогуливались пассажиры первого и третьего классов.

Едва успел я подняться по одним сходням и представиться командующему, как уже спулся по другим на узкий корпус моей первой подводной лодки. Вечером мы должны были отправиться в Лондондерри. Я с восторгом смотрел на стальную субмарину. Конечно, она не будет совершать рейды и топить вражеские корабли, но в ее узком сером корпусе и высокой боевой рубке было удивительное изящество и необыкновенная легкость. Вид подлодки доставил мне истинное удовольствие.

Мы вышли в море, когда над водой сгустился туман и замигали маяки. Когда склянки пробили восемь вечера, я поднялся на мостик, чтобы нести свою первую вахту. Это был волнующий момент.

Исчезли уныние, подавленность и постоянное желание выпить. На кристально чистом небе появились первые звезды. Море казалось мне темным облаком, над которым мы летели на белых крыльях. Земля скрылась в темноте, о ее существовании напоминали лишь несколько неярких огней.

Вахтенный, которого я сменил, ушел, я остался один в темноте, глубоко вдохнул свежий морской воздух и вдруг осознал, что на меня возложена большая ответственность. Каждое появляющееся рядом судно представляло для нас потенциальную угрозу. Я принялся негромко напевать куплеты, в которых упоминались правила дорожного движения. Мерно гудя двигателями, лодка прошла по узкому морскому заливу и вышла в Ирландское море. Справа по борту нас обогнал грузовой пароход, его кормовые огни мигали над волнами, словно глаза распутной русалки. «Родные воды, – подумал я, – старенькая подлодка, и все же первый шаг к заветной цели сделан».

Лондондерри. День первый. Мы живем в деревянном здании, которое называют трансатлантическим сараем, поскольку раньше в нем ожидали посадки пассажиры, направляющиеся в Новый Свет. Здесь, в этом скромном месте, у нас есть крошечная кают-компания и спальня. Во время сильных приливов наша лодка стоит у небольшого причала. Рано утром, когда мы выходим в море, в городе еще тихо. Ниже по течению сгрудились несколько корветов, из их труб вырываются тонкие струйки дыма. Вздрагивая, борясь с приливом, подводная лодка раз-

ворачивается на середине реки. Мы дружно выстраиваемся на корпусе в ровную линию, чтобы угодить адмиралу, который может во время бритья выглянуть из окна своего дома.

Солнце уже высоко, но в воздухе сохраняется ночная свежесть. На фоне гор город кажется серым. Впереди ровная гладь реки, точно поверхность стекла, но ее воды таят в себе много опасностей.

Мы продолжаем двигаться вниз по течению. Дома остаются позади, их сменяют высокие холмы, окрашенные золотистым утренним светом. Нам в лица дует свежий ветер. Прежде чем мы попадем в открытое море, предстоит миновать узкий извилистый фарватер. Нужно обладать большим мастерством, чтобы провести по нему лодку. На многих судах есть лоцманы, но мы обходимся своими силами. Проплываем мимо городков Портраш и Данагри. Впереди залив Лох-Фойл сверкает, словно тропическая лагуна. Моим товарищам явно хочется запеть. Все мы, за исключением трех главных специалистов, новички в этом деле. Командир занимает свой пост впервые. Мы учимся, очень гордимся собой и боимся неудачи. Одна оплошность – и нас оставят в этой флотилии на многие месяцы. Если же проявим себя с хорошей стороны, то уже через несколько недель будем выполнять боевые задачи.

Высоко над нами потянулся к холмистому берегу косяк уток. Чуть в стороне и ниже, мерно гудя двигателями, летит неуклюжий гидроплан. Солнечное тепло и размеренный гул двигателей лодки вводят нас в приятное расслабленное состояние, но мы знаем, что нужно быть начеку. Эта атмосфера развлекательной прогулки немедленно исчезнет, как только начнется настоящая работа.

Лох-Фойл сверкает под лучами солнца. В какой-то миле от нас берег нейтрального Ирландского свободного государства и деревушка Мовилль. Кто-то пустил слух, что в местной гостинице поселился немецкий консул, который наблюдает сейчас за нами в сильный бинокль. Мы улыбаемся и машем ему рукой. В ответ – отблески в окнах гостиницы. Спокойная водная гладь тянется до гор Шотландии. По мере того как солнце поднимается над горизонтом, море теряет свой серебристый покров и становится все синее. Вдалеке, на северо-востоке, дымят трубами несколько транспортных судов. Крошечный эсминiec мечется между ними, словно обезумевший пес среди овец. Восемь утра. Пора приступать к занятиям.

Ежедневные учения, носившие название «бег от гидролокатора», при нормальном развитии событий не требовали с нашей стороны особых усилий. Наша задача состояла в том, чтобы в назначенное время и в назначенном месте погрузиться на установленную глубину и идти в определенном направлении с определенной скоростью. Эти учения обычно продолжались в течение часа. Эскадренные миноносцы должны были разыскать нас, атаковать и гипотетически отправить на дно. После этого карты и данные журналов сравнивали и делали соответствующие выводы. Иногда капитаны эсминцев предоставляли нам полную свободу действий. В этом случае мы по своему усмотрению могли менять курс, останавливаться и затаиваться. В целом все это довольно скучное дело, но в тот первый день мне было весьма интересно, и я впервые узнал подводный страх.

Случилось так, что мы имели дело с эсминцами, на которых служили очень толковые и опытные специалисты. Они отработывали новый план под названием «операция «Малина»». Началось все как обычно. Мы погрузились, имитировали атаку на условного противника и начали уходить на безопасную глубину. Некоторое время все шло по плану. Мы должны были придерживаться тщательно разработанного, рассчитанного по минутам курса. Я сидел в кают-компании, следил по карте за передвижением лодки, поглядывал на часы и прислушивался к командам, доносящимся с центрального поста. Ничто не предвещало опасности, и я был весьма доволен своей работой.

Внезапно лодка сильно накренилась и пошла вниз под невероятным углом. Предметы, лежавшие на столе, посыпались на пол. С полка, что были позади, на меня полетели книги, чернильницы и карты. Я едва не был погребен под этой лавиной. С центрального поста донесся

топот ног и прозвучала команда: «Полный назад!» Лодка вздрогнула и замедлила движение. В цистерну быстрого погружения подали воздух, нос лодки поднялся и оказался на поверхности.

Лодка снова накренилась, и лавина пронеслась вновь, но уже в противоположном направлении. Одна из запасных торпед пробила деревянную переборку и влетела в кают-компанию. Цистерны наполнились воздухом, и лодка всплыла.

Этот небольшой инцидент закончился быстро, и мы не успели осознать, что же произошло. Расследование показало, что лодка так стремительно пошла ко дну потому, что заклинило кормовой горизонтальный руль. В тот момент, когда капитан включил обратный ход, гребные винты лодки месили воздух на поверхности, а нос ее находился в нескольких футах от дна. Когда мы всплыли, мимо нас пронеслись два эсминца. В тот день нам повезло. К сожалению, учения не всегда проходили так бурно, и нас начало угнетать однообразие службы, не терпелось скорее покинуть эту флотилию и заняться настоящим делом. Нестерпимо было торчать под ирландским солнцем, в то время как боевые подлодки каждую неделю уходили к Средиземному морю.

Ночи были ясными. Мы сопровождали танкеры в заливе Лох-Фойл, а когда выдавался выходной, на всех парах неслись вверх по течению реки в Лондондерри. Нанимали такси и отправлялись в Мобилль, где обедали и весело проводили время. Пересекая границу, мы не говорили, что военные моряки, а выдавали себя за людей штатских: власти Ирландского свободного государства часто задерживали членов нашего экипажа, которые переходили границу в неположенных местах. Нам звонили, мы отправляли машину и возвращали наших людей на имперскую территорию.

Прошел месяц. Нас направили в Тобермори, где дни были окрашены желтыми оттенками осени, а ночи стояли ясные и прохладные. Жизнь превратилась в череду погружений, всплытий и учебных атак. По ночам наша лодка одиноко стояла в темной бухте у острова Ион. Поблизости чернели силуэты гор, где-то высоко пролетали утки. Вода покрывалась рябью под ночным ветерком.

Мы настолько привыкли к Гебридским островам, что казалось, нам суждено остаться здесь навсегда. Однообразный режим и чудесные дни уходящего лета несколько остудили наш пыл и притупили желание действовать. Мы успокоились, словно листья, сорванные ветром с дерева и занесенные в тихий уголок. И все же мы были мастерами своего дела, специалистами по погружениям, всплытиям и движению на глубине 60 футов со скоростью два с половиной узла.

В сентябре, когда ветер сменил направление, а вереск потемнел, меня направили в Барроуин-Фернесс, где через месяц должна была вступить в строй новая подводная лодка.

Глава 4

В первый раз я увидел ее, когда шел по мосту, соединяющему портовый город Барроуин-Фернесс с островом, где на судовой верфи «Виккерс-Армстронг» строили подводные и надводные суда. Лодка стояла в достроечном бассейне. Серая, местами коричневая от ржавчины и красно-оранжевая от сурика, она производила впечатление незавершенности и безжизненности. Подводная лодка угадывалась в ней только по длинному узкому корпусу. Для временного производства она выглядела удивительно одиноко. Правда, к сходням была прикреплена доска с информацией, по которой рабочие смогли бы узнать ее, если бы рядом стояло много других подобных лодок. Осенью 1942 года судовой верфь только начинала наращивать производство, и если вокруг стапелей уже толпились рабочие, то в достроечном бассейне было удивительно тихо.

Барроуин-Фернесс являл собой скопище автобусов, магазинов и шумной толпы преуспевающих людей. Источник этого процветания – судовой верфь – обезображивал горизонт: на фоне сентябрьского неба вырисовывались покрытые копотью и окутанные дымом подъемные краны, трубы и мачты. Но звуки работы верфи не достигали города, защищенного широкой водной полосой. В городе и за его пределами было тихо и спокойно – ни шума печей, ни грохота клепальщиков – ничто не говорило об интенсивном труде на острове.

Я перешел на мост, свернул направо и разыскал помещение, которому предстояло быть нашей штаб-квартирой в течение следующих шести недель. Там я познакомился со старшим механиком, который находился в городе уже два месяца и наблюдал за рождением нашей лодки. Он собственноручно делал чертежи различных устройств и яростно спорил со специалистами, доказывая свою правоту. Из офицеров я прибыл последним, к тому же был некадровым, поэтому чувствовал себя как рак в пруду с золотыми рыбками. Впрочем, на нас не было знаков отличия, когда вечером мы надели гражданскую одежду и отправились в местный театр, где для офицеров резервировали специальную ложу.

На следующий день я поехал на вокзал встречать экипаж лодки. Меня порадовало, что все прибывшие прошли подготовительный курс в Б-лайте, ходили на учебных подлодках и, как и я, не раз испытывали горькие разочарования. Сейчас, в ясный солнечный день, они легко сходили на перрон – шестьдесят человек из разных уголков Англии и Британской империи. Шестьдесят моряков, которым предстояло отправиться из этого маленького западного порта к дальним берегам. Группами и поодиночке они уверенным шагом направились к вокзалу. Каждый нес свой багаж.

С самого начала эти люди работали вместе. Старшины укомплектовали свои отделения и принялись обучать и натаскивать подчиненных. Они читали им лекции и просто беседовали. Одновременно добывали для своей лодки имущество и оборудование. Все были заняты полный рабочий день. Приходили к девяти и завтракали на верфи. Одни члены экипажа досконально знали свое дело, другие чувствовали себя не так уверенно. Нам предстояло разобраться с каждым, выяснить, как он поведет себя на боевом посту. Выбрали оружейный расчет и наблюдателей, предварительно тщательно проверив их зрение. Лодка еще не была закончена, а экипаж уже был на своих местах. Рабочие верфи относились к этому с пониманием.

Пожалуй, мы были слишком сильно увлечены своим делом. Во всяком случае, в то время мне так казалось. Та видимая жесткость, с которой командир излагал нам свои мысли, представлялась мне излишней, пока я не осознал, что некоторые из офицеров и почти половина матросов уже ходили на боевых лодках, и для того, чтобы мы стали единой командой, их необходимо было избавить от излишней самоуверенности. К тому же характеры и темпераменты у нас были разными.

Большинство старшин были опытными подводниками. Наводчик орудийной установки, например, здоровенный детина с длинной бородой, отлично знал свое дело и относился к своей пушке словно к любимой женщине. Кадровых офицеров почти не было заметно, потому что они спокойно и уверенно несли службу. В то же время среди наших торпедистов были коммивояжер и каменщик, а француз-гидрофонист прежде работал шлифовальщиком – эти ребята и сошли с поезда в то памятное мне сентябрьское утро. И те и другие поровну делили почести за успехи и порицание за ошибки, вместе рисковали и переносили тяготы службы. Все они были частью команды, которая заставляла лодку подчиняться, поэтому у меня нет необходимости и желания характеризовать каждого из них. Мы были одним экипажем и чувствовали свое единство, когда бороздили океаны или выходили на берег. Первый потопленный нами корабль – заслуга всех и каждого. Экипаж плавучей базы снабдил нас снарядами, пищей и топливом, рабочие судоверфи построили лодку с корпусом из стали, которую дала им страна. Таким образом, все работали на победу.

В нашу полупустую квадратную комнату через запыленное окно падает солнечный свет. У окна, выходящего на достроечный бассейн, стоит длинный стол, за которым сидим мы с инженером-механиком. В дальнем углу помощник командира медленно печатает на портативной машинке. Командир экипажа расхаживает по комнате, читая утреннюю газету. Командир торпедной боевой части сейчас в немилости: перед завтраком он ходил охотиться на уток и случайно выпустил заряд дроби в сторону нескольких военнослужащих женской вспомогательной службы военно-воздушных сил, которые в тот момент, согнувшись, пытались освободить крепление аэростата заграждения. Никто не пострадал, но командир торпедной части решил от греха подальше на время убраться на лодку. Я не знаю, чем себя занять. Все что-то делают, а я в сотый раз с умным видом просматриваю перечень корабельного имущества и проверяю секстанты, мыслями уносясь в открытое море вместе с темп счастливицами, которые покинули Барроу и теперь несут патрульную службу. Громко тикают часы. Мне кажется, что командир смотрит на мою спину с некоторой долей иронии. Наверное, штурманы всегда чувствуют себя не у дел в судоверфи.

В одиннадцать часов мы все вместе отправляемся в достроечный бассейн. Вода в нем зеленая и неподвижная. Наша лодка находится в самой его середине. Она готова к первому погружению. Мы, словно в лифте, медленно опустимся на дно и сразу всплывем. Работники верфи ничем не рискуют. Мы забираемся в лодку и ждем на главном посту начала испытания на герметичность. Давление воздуха в лодке поднимают до определенного значения – если воздух не вырвется наружу, значит, и вода не сможет проникнуть в лодку.

В половине двенадцатого клапаны вентиляции цистерн ненадолго открывают, и лодка опускается на несколько дюймов. Медленно и осторожно этот процесс повторяют до тех пор, пока весь корпус не оказывается под водой. Механики ходят по лодке с важным и задумчивым видом. Это их время. В дальнейшем главному механику не раз придется доказывать значимость своего положения помощнику командира, который заведует электрической частью и личным составом. Столь широкий круг полномочий несколько раздражает командиров отделений.

Испытания проходят нормально. Лодка не течет и не кренится. Мы всплываем, и представители верфи делают запись в одной из своих многочисленных таблиц: «Р-339». Пробное погружение. Удовлетворительно».

Выбираемся на солнечный свет и с радостью вдыхаем свежий воздух. В столовой верфи нас ожидает сытный завтрак. Сегодня суббота, поэтому работу заканчиваем в полдень. У нас большие планы на день. Впереди грандиозное чаепитие, веселый вечер, а после обеда – поход в кино. В гостиницу вернемся далеко за полночь, переполненные впечатлениями, джином и осенним озоном.

Наконец мы покинули достроечный бассейн. Легко скользя по воде, лодка проходит под мостом, который развели по этому случаю. Она еще не принадлежит нам. Среди членов экипажа слоняются гражданские: представители фирмы хотят убедиться, что их малютка здорова и готова к дальнейшему плаванию.

Воскресное утро. Завтракаем на борту вместе с экипажем сопровождающего нас датского сторожевого корабля. Наши внутренности обжигает курица с карри, похмелье, донимавшее после прощального вечера, почти исчезает. День чудесный, но здесь, в море, мы чувствуем себя немного одиноко.

Покрытая яркой зеленью городская набережная остается за кормой, и те сотрудники верфи, что работали с нами до последнего момента, уже сконцентрировали внимание на следующей подводной лодке. Если для нас первый выход в море – событие весьма знаменательное, то для города и верфи – вполне рядовое. Во время войны подводные лодки уходили со стапелей в достроечный бассейн, а из бассейна в море бесконечным потоком. И все же рабочие верфи должны запомнить номер, изображенный белым краской на нашей боевой рубке. Возможно, однажды они прочитают в утренней газете о наших подвигах и вспомнят о том, как вдохновенно мы занимались в недостроенной лодке.

Удалившись от берега, мы повернули на север и вечером пересекли Ливерпульский залив. Дизели вибрировали, лодка подрагивала, словно живое существо, разрезая узким носом водную гладь между островом Мэн и заливом Солуэй-Ферт.

Мы снова были в море и снова были моряками. Воодушевленные этим, принялись нести вахту, как будто и не было этих безмятежных восьми недель, проведенных в Барроуин-Фернесс.

Впереди нас ждали нелегкие времена. Предстояли три месяца интенсивных занятий и затем плавание вместе с начальником боевой подготовки, под его неусыпным контролем. Подводная лодка станет за это время послушным орудием в наших руках: она будет погружаться и всплывать, посылать снаряды и торпеды в нужное время и в нужном направлении, повинаясь легкому движению наших пальцев.

Солнце закатилось. Справа на траверзе был мыс Голуэй. К тому времени, когда мы покинули Ирландское море, над горизонтом сгустилась ночная тьма. Мы смотрели на восток, туда, где должно было взойти солнце, глазами вчерашних школьников, готовящихся к новой взрослой жизни, и сердца наши были преисполнены надеждой.

Глава 5

Большие караваны судов, курсировавших в заливе Клайд, выходили из портового города Гринок и, минуя ряд буев, проходили через расселину в Кембрийских горах. Достигнув острова Бьют, они сворачивали на юг и двигались вдоль побережья графства Эршир. В этих водах было несколько участков, где проводились учения подводных лодок. Именно здесь, между островами Бьют, Кинтайр и Арран, мы проходили боевую подготовку в ноябре 1942 года. Этот район носил название Инчмарнокские воды.

В заливе Клайд обычно было холодно и туманно. С запада, со стороны Атлантического океана, приходили колючие дожди, и сильный ветер гнал по темной воде миллионы светлых барашков. Иногда по утрам небо прояснялось. В такую погоду мы, после плотного завтрака и горячего кофе, плыли вниз по течению реки, улыбаясь наступившему дню и горя желанием поскорее начать занятия.

Эти тихие воды, куда не заплывали корабли, были по-своему прекрасны. Можно было часами смотреть на водную гладь, в которой отражался багрянец заката, на горы, чернеющие вдалеке, на редкие огни на их склонах. Мы были оторваны от мира. Иногда работа продолжалась до глубокой ночи и приходилось бросать якорь в одной из тихих бухт близ пустынного каменистого берега, поросшего вереском.

Постепенно мы совершенствовали свои навыки. Провели тщательные испытания лодки. Погружались на глубину 450 футов и просили экипаж эсминца бросить неподалеку глубинную бомбу, часами патрулировали прибрежные воды, сверяя теорию с практикой. Теперь лодка была наша. Гражданские покинули ее, захватив с собой чек на 350 тысяч фунтов стерлингов, подписанный командиром от имени адмиралтейства. Мы должны были позаботиться о том, чтобы деньги налогоплательщиков не пропали даром.

Залив Лох-Лонг узкой серебристой лентой тянулся среди холмов до тихого поселка Аррокар. Мы поставили лодку на прикол у старого деревянного причала и пошли в местную гостиницу, чтобы немного выпить. На западе купалась в лучах солнца вершина горы Кобблер. Усевшись за стол, подняли бокалы с пивом, и показалось, что мир вокруг нас замер. Позднее мы узнали, что такие чудные моменты чрезвычайно кратковременны, и усвоили привычку не растягивать удовольствие. Но тогда, в той шотландской деревне, мы расслабились и не спеша тянули пиво. На следующий день предстояли учебные торпедные стрельбы, и мы, наслаждаясь тишиной и душевной беседой, засиделись допоздна.

Раннее утро. Наша подлодка на всех парах мчится по заливу. Местами он очень узкий, и отражение нависших над его берегами холмов смыкается на его поверхности. Перед полигоном замедляем ход, разворачиваемся и занимаем позицию для торпедной стрельбы. Торпедный полигон обозначен буйами. Наши стрелки проверяют торпедные аппараты и дадут возможность новым торпедам проявить себя. Рядом с нами стоит мотобот, с него нам дадут команду к началу стрельбы. В конце полигона расположилось небольшое рыболовецкое судно. Наблюдатели на нем ожидают наших торпед, боевые зарядные отделения которых заполнены не тринитротолуолом, а водой. У края поросшего травой крутого берега живописная березовая рощица. То и дело из воды выпрыгивают рыбины. Но нам не до красот – мы ждем сигнала. Момент весьма ответственный. Внизу, в торпедном отсеке, наши специалисты настраивают приборы, которые зафиксируют все необходимые показатели. Нас эти проблемы мало беспокоят. Лично я должен обеспечить позицию для торпедной атаки, а затем могу спокойно курить на мостике и ждать резкого толчка, свидетельствующего о торпедном залпе. Моряки на мотоботе зашевелились. Мы по-приятельски улыбаемся им. В нас живет чувство морского товарищества.

Учения начались. Лодка вздрагивает, и первая торпеда уходит к цели, оставляя за собой след из воздушных пузырьков. Следы трех первых торпед исчезают в серой дымке. Четвертая

торпеда неожиданно привлекает наше внимание: она резко отклоняется вправо, подпрыгивает, словно веселый дельфин, выскакивает на берег и, сметая все на своем пути, исчезает в зарослях папоротника. В воздух поднимается тонкая струйка дыма, ноздри щекочет запах горячего масла. Мотобот немедленно отъезжает, чтобы разыскать беглянку. Этот случай с блудной торпедой ничуть не огорчил нас, напротив, он нас позабавил и показал, что мы отнюдь не все-сильны. Специалисты кусают ногти и качают головой. Бледное солнце по невысокой дуге крадется на юг. На берегу среди деревьев видны развалины небольшого каменного здания.

Аррокар. С этой дерегушкой связано много воспоминаний. Однажды местные добродетельные матроны решили организовать для нас танцы. Однако большинство наших парней не торопились в танцзал – спокойно допивали пиво в гостинице. Те же немногие, что пришли вовремя, забрались на сцену к музыкантам и затянули песню о нашей подводной лодке, не обращая внимания на стоящих у стен девушек и гневные взгляды их матерей.

Я с одним приятелем даже поднялся на гору Кобблер. Мы вышли из гостиницы после обеда и зашагали по пологому склону, заросшему вереском. Наша лодка, стоящая на якоре в середине залива, по мере того, как мы поднимались, становилась все меньше и меньше. Одолев первый холм, мы прямо перед собой увидели вершину – огромную каменную скалу, уходящую в небо. День клонился к вечеру, и мы торопливо зашагали вверх. Становилось прохладно. Для столь серьезного восхождения одежда наша – серые фланелевые брюки и бушлаты с жестким воротником – была слишком легкой.

Мы достигли вершины, когда солнце уже уходило за горизонт. Подошли к краю утеса и далеко внизу увидели залив и мерцающие якорные огни нашей лодки. Сильный ветер обжигал нам лица дыханием Арктики. Стало совсем темно, и мы поспешили вниз.

Через час, измученные, продрогшие, полупьяные от кислорода, но довольные, мы столкнулись с компанией веселых мужчин и женщин, которые расположились на ночь у подножия горы. Завязалась оживленная беседа. Они оказались членами альпинистского клуба из Глазго и на рассвете собирались начать восхождение на гору Кобблер. Мы посмотрели на них с удивлением, но так и не решились сказать, что в своей легкой униформе недавно стояли на вершине, для покорения которой они пожертвовали своим коротким отпуском и запаслись картами, теплой обувью, веревками, болтами с крючьями и прочим снаряжением. Попрошавшись, мы спустились на дорогу и с трудом преодолели последние мили до залива. На лодке нас встретили без особого энтузиазма. Наши товарищи удивленно поднимали брови и поглядывали на нас как на чокнутых. Мы же сохраняли гордый вид и с большим удовольствием потягивали свое виски.

Через несколько дней торпедные стрельбы нам порядком надоели, и мы были рады, что наша лодка взяла курс к поселку Аррокар кормой, оставив наблюдателей на берегу. Когда мы на всех парах неслись по заливу, командир заметил на берегу среди деревьев каменные развалины и решил, что это замечательная мишень для учебной стрельбы из пулемета. Лодку остановили в 500 ярдах от мишени, вынесли на мостик пулеметы. Точка прицеливания – дымовая труба на крыше полуразрушенного здания. Ярко светило солнце. Пулеметчики навели оружие на цель.

– Огонь! – прозвучала команда. Раздались выстрелы. В сторону леса понеслось несколько верениц красных трассирующих пуль. Из сухих листьев на земле поднялись небольшие клубы пыли. Цель осталась нетронутой. Лицо командира потемнело, и он приказал открыть огонь из 20-миллиметрового «эрликона». Глухие выстрелы эхом отозвались в тишине. От дымовой трубы отвалилось два кирпича, но она устояла. Немного погодя «эрликон» замолк, и стрелки с виноватым видом доложили, что его заклинило. Командир щелкнул пальцами и устремил тоскующий взгляд на 4-дюймовую пушку. Мы ждали, затаив дыхание. Через мгновение раздался приказ:

– Орудийному расчету занять позицию у четырехдюймовки! Зарядить один комплект для учебной боевой стрельбы!

– Дальность 050! Отклонение 0! – поочередно выкрикнули наводчики. – Огонь!

Прогрохотал выстрел, от которого задрожали верхушки деревьев. Над лодкой поднялось облако черного дыма. Стена желтой пыли закрыла мишень. Когда пыль осела, мы дружно заулыбались. Дымовая труба исчезла, а вместе с ней и все здание. Над тем местом, где оно стояло, летали встревоженные птицы. С чувством выполненного долга мы продолжили путь.

Через некоторое время пришло письмо от руководителя местного комитета по лесоводству, в котором говорилось о том, что в определенный день и час английская подводная лодка обстреляла и разрушила строение на берегу залива Лох-Лонг, где обычно прятались от непогоды работники лесничества. Тон письма был вежливый, но его содержание сводилось к тому, что дело серьезное и не должно иметь продолжения. Письмо нам принесли утром, в нижней его части оставалось место для записок. Командир взял карандаш, написал: «Извините» и расписался. На этом инцидент был исчерпан.

В середине ноября мы вернулись в Инчмарнокские воды, где продолжили интенсивные учения. По ночам, когда зажигались маяки, проводили учебные атаки, нанося удары торпедами, пушками, пулеметами и так далее. Мы использовали сигнальные ракеты, радиолокатор, пеленгатор и другие вспомогательные устройства. Погружались на большую глубину, и специалисты с помощью громадного микрофона оценивали громкость работы каждого механизма нашей лодки. После занятий чаще всего возвращались на плавучую базу в заливе Холи-Лох и шли ночевать в скромную местную гостиницу. Мы знали, что скоро исполнится наше заветное желание – участвовать в боевом патрулировании наших вод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.